

ИВ КАРТЮЙВЕЛЬ

По поводу «Черной книги психоанализа»

Война психоаналитиков или дело всего общества?¹

В начале сентября 2005 года журнал *«Nouvel Observateur»* опубликовал под заголовком «Нужно ли покончить с психоанализом?» досье, в основном посвященное недавно вышедшей «Черной книге психоанализа». Подхваченная другими медиа как во Франции, так и в Бельгии, книга вызвала жаркие споры среди практикующих в этой области. Мне как юристу и криминологу по образованию, давно работающему в области девиантного поведения и вообще в системе психического здоровья (а точнее в сфере защиты молодежи, наркомании и сексуальных злоупотреблений), эти дебаты не были совсем уж неизвестны. Внимательное прочтение обсуждаемой книги, других текстов Ж. Ван Риллаера, его объемного пособия «Управление собой» (1992) и более поздней «Психологии обыденной жизни» (2003), а также некоторых его размышлений, опубликованных в досье «Nouvel Observateur», ставит перед юристом и криминологом, коим я являюсь, серьезные вопросы. Чтение этих текстов навело меня на следующие размышления².

«Черная книга» — событие научное или медиатическое?

«Черная книга» представлена авторами как самый исчерпывающий критический итог психоанализа из всего, что опубликовано на французском, голландском или немецком языках³. Эта книга, плод усилий международной команды авторов, «хорошо знающих психоанализ

¹ Cartuyvels Y. À propos du *Livre noir de la psychanalyse*. Guerre des psys ou enjeu de société? / J.-A. Miller (éd.). L'Anti-Livre noir de la psychanalyse. — Paris: Seuil, 2006.

² Цитаты без прямых ссылок взяты непосредственно из «Черной книги психоанализа».

³ См. рекламный текст в сети к «Черной книге психоанализа» за подписью Ж. Ван Риллаера.

изнутри», должна была представить обзор «основных граней фрейдистской теории и практики», чтобы лучше показать ее несостоятельность. По словам одного из его авторов, проект ставить целью «помочь людям, прибегающим к услугам психоаналитиков, лучше понять их стратегии», а также прийти на помощь «студентам, введенным в заблуждение лакановскими психоразглагольствованиями и обязанным зубрить, не понимая», тексты, в которых «сами их учителя не особенно разбираются, или которым придают самые фантастические смыслы»⁴.

Была предпринята, таким образом, лобовая атака, и можно было ожидать аргументированных и серьезных дебатов по принципиальным аспектам фрейдовского открытия и его последующего развития в этом «произведении, уникальном в истории психологии» и всящем, как нам говорят, «больше килограмма...». В этом отношении, если реклама издания действует по-новому, — впервые на моей памяти наука продается на килограммы, — разочарование соответствует объявленному весу. Как подчеркнула «*Le Monde*» от 9 сентября 2005 г., замысел больше нацелен на дисквалификацию противника, нежели на обсуждение его положений: прибегая к оружию памфлета (броские заголовки, убийственные образы и разоблачения *ad hominem*), «*Черная книга*» предпочитает действовать через цитаты авторов, более или менее известных и более или менее древних, скорее, чем прибегать к достоинствам обоснованной аргументации, необходимой для содержательных дебатов. Пока что в этом нет ничего страшного. Памфлет — это такой же стиль, как и другие, в использовании юмора и преувеличения нет ничего незаконного, если их использовать открыто как таковые. Нет никаких оснований оберегать психоанализ от дискуссии или десакрализации в юмористической или иной форме: он занимает важное место в обществе и некоторые психоаналитики достаточно часто участвуют в публичных дискуссиях по общественным проблемам, чтобы подвергаться различным формам критики⁵. Здесь вызывает беспокойство постоянное обращение к науке и к строгости научного рассуждения с целью легитимации подхода, не соблюдающего минимальных правил, принятых в науке. Смещение жанров граничит с интеллектуальной недобросовестностью, когда периодически повторяющиеся апелляции к «научности» имеют целью легитимировать и заставить принять за правду чисто гипотетические утверждения, ненадежные обвинения без серьезных эмпирических оснований или, по меньшей

⁴ Там же. См. также того же автора *Pourquoi j'ai participé au Livre noir de la psychanalyse // Science et pseudo-sciences. — 2005. — Vol. 269.*

⁵ Я имел возможность принять участие в «жестком» диалоге с аналитическим движением и некоторыми его представителями. Ср., напр., *Cartuyvels Y. Généralisation de la psychose? // Fonction et usages de l'institution. — Bruxelles, 2004; Kaminski Id. & D. Dépenalisation des drogues. Articulation socio-politique et clinique // Actes des XIes Journées de Reims pour une clinique toxicomane. — 1991.*

мере, любопытные интерпретации практики и фрейдлакановской теории, которые трудно принять за чистую наивность или незнание.

Такой перехлест — я приведу несколько примеров ниже — отнюдь не нов. Он был хорошо выявлен Лораном Мючелли в ином конфликтном поле — девиантности — области, также раздираемой борьбой интерпретаций и спорами о методе, замешанными на вопросах политических и этических⁶. И если он, без сомнения, стимулируется законами современного маркетинга и стремлением к издательской сенсации, образ действий от этого не становится менее опасным или отвратительным: опасным — поскольку сильно рискует запереть своих авторов в том самом регистре «морального крестового похода» или «морального предпринимательства», который американский социолог Ховард С. Бекер обнаружил за построениями уголовного закона⁷; отвратительным — поскольку применение упомянутых уловок смещает границу между научной логикой и войной, ведущейся из личных соображений, от чего неизбежно страдает достоверность самого научного подхода, на верность которому постоянно присягают авторы.

Психоанализ и психоаналитики: все лжецы и манипуляторы?

На восьмистах страницах авторы, избрав путь «иконоборческой, или ревизионистской истории»⁸, мобилизуют обличительный тон — ценой некоторого количества повторов и, бесспорно, некоторой путаницы. Главной мишенью здесь выступает Фрейд: корыстный и пристрастный, лжец и манипулятор, «кокаино-терапевт» и «мошенник» (Х. Исраэльс). Чтобы подпитать эту констатацию, не утруждающую себя никакими оговорками, книга грубо настаивает на различных терапевтических «провалах» Фрейда (М. Борх-Якобсен), забывая отметить, что большинство из них хорошо известны, иногда признаны самим Фрейдом и подчеркнуты в терапевтической литературе, особенно лакановской⁹. Таким образом, новизна «откровения» тут весьма относительна. Но если главные обвинения адресуются венскому врачу (иногда при прочтении нескольких авторов создается впечатление, что психоанализ остановился на Фрейде), то по милости очень свободной ассоциации затронута оказывается вся совокупность ана-

⁶ Muccielli L. L'expertise policière de la violence urbaine. Sa construction intellectuelle et ses usages dans le débat français // *Déviance et Société*. — 2000. — Vol. 24. — P. 4.

⁷ Becker H. *Outsiders. Study in the Sociology of Deviance*. — N. Y.: The Free Press, 1963.

⁸ Ehrenberg A. *Les guerres du sujet. Introduction* // *Esprit*. — 2004. — Vol. 11. — P. 79.

⁹ О случаях Доры, маленького Ганса или же Человека с волками, которые приводит Борх-Якобсен, см. беспощадные комментарии Лакана: *Le Séminaire, livre IV: La Relation d'objet*. — Paris: Seuil, 1994, 257sq. (о маленьком Гансе); *livre III: Les Psychoses*, Seuil, 1981, 104sq.; *livre I: Les Écrits techniques de Freud*. — Seuil, 1975, 207sq. (о Доре); *id., Écrits*. — Seuil, 1996, 311sq. (о Человеке с волками).

литиков. Так мы узнаём, что «психоаналитическое движение в своей совокупности — одно из самых коррумпированных интеллектуальных движений в истории» и что его бездоказательные мнения «продолжают повторяться исключительно по причине личных взаимоотношений и карьерных соображений» (Ф. Чьоффи). Коррумпированный характер Фрейда, по-видимому, оказал влияние на все вчерашнее и сегодняшнее сообщество аналитиков. Логика этого утверждения, никак иначе не аргументированная, несколько удивляет. Равно, как и ее тон: «Зачем без аргументов, без демонстрации, говорить о „лжи“, к чему столь категоричный, высокомерный, не допускающий возражений тон?» — спрашивал А. Эренберг уже несколько месяцев тому назад по поводу наших новых цензоров¹⁰. Неаккуратная по форме атака становится еще более проблематичной, когда приводит к огульному сведению целой категории клиницистов к разряду жадных рвачей (Р. Суэйлс), предпочитающих наживаться на «легкой деятельности», состоящей в коротких сеансах с, по большей части, обеспеченными пациентами, нежели вкалывать в больнице или в образовательных учреждениях (Ж. Ван Риллаер). Нужно ли напоминать, что не все аналитики практикуют «короткие сеансы» в буржуазных кварталах Парижа, и, насколько я знаю, мало кто одновременно не работает в каком-либо учреждении, чтобы зарабатывать на жизнь. Презрительные по отношению к аналитическому сообществу слова становятся оскорбительными, будучи применены к огромному числу клиницистов, работающих в психическом секторе здравоохранения с неимущими слоями населения, затронутыми в полную силу беспощадностью социального мира. Такое утверждение вовсе не свидетельствует о «научной строгости», которую авторы отрицают у своих противников с тем, чтобы лучше присвоить монополию на нее себе.

Нужно ли удивляться, что в процессе такой строгой демонстрации именно психоаналитики делаются всецело ответственными за «человеческую катастрофу» в области токсикомании, поскольку они воспротивились заместительной терапии (Ж.-Ж. Деглон)? Здесь еще раз обвинение удивляет в плане научной строгости: чтобы быть обоснованным, оно предполагает установление ясной и четкой причинно-следственной связи между указанной причиной (оппозиция заместительной терапии) и предполагаемым следствием («смерть тысяч индивидов») при нейтрализации всех других переменных, могущих вмешаться в траекторию употребляющего наркотики. Статья Деглона очень далека от подобной демонстрации. Но сверх легковесности в серьезном вопросе поражает узость видения проблематики токсикомании, узость, породившая этот, без сомнения, не вполне контролируемый выпад: с одной стороны, имеются некоторые, пусть и немногочислен-

¹⁰ *Ehrenberg. A. Les guerres du sujet... — P. 79.*

ные¹¹, психоаналитики, очень рано вставшие на защиту продуктов субституции; другие же психоаналитики много боролись за отмену обвиняющего подхода к наркоманам, выделения им места в обществе¹². В те времена Ван Риллаэр в «*Управлении собой*» не демонстрировал подобной трезвости взглядов, ничтоже сумняшеся давая классическое демонизирующее изображение токсикомана, которое одобрили бы и самые ярые запретители¹³. Статья же Деглона пытается изобразить идиллическую картину продающихся в США с 1960-х годов продуктов субституции — как будто позднее эту страну миновали губительные последствия такой политики. Он полностью умалчивает сложность как культурных, так и социальных проблем употребления наркотиков, где переплетаются право и медицина, антропология и социология. Напомним, что спор о продуктах субституции в конце прошлого века развернулся в контексте пересечения множества общественных феноменов, выразившихся в наркомании: 1) был поднят вопрос об общественной безопасности, нередко поспешно и редуционистски сближающий феномены безопасности с употреблением наркотиков и бытовой преступностью; и здесь метадон очень быстро нашел горячих сторонников в полицейском мире, снискав репутацию эффективного средства борьбы с мелким хулиганством; 2) в области психического здравоохранения произошел постепенный переход от идеала «излечения» к идеалу «сопровождения», а затем и появление новой парадигмы «сокращения риска» в области токсикомании на фоне эпидемии СПИДа; 3) постепенно возникло «общество с химическим приводом» при столь же дружеской, сколь и бескорыстной поддержке фармацевтических лобби. Другими словами, ожидания от медицинского метадона, равно как и от «метадона» общественной безопасности отразили социальные проблемы по ту сторону раскола между психоаналитиками и сторонниками поведенческих терапий. Затронув и представителей административной власти, и полицейских, и социальных работников, вопрос о продуктах субституции нелюбезно обнажил перед различными участниками на местах следствия мутации социальной связи в обществах, отмеченных одновременно и «культом производительности», и патологиями бродяжничества, усугублением индивидуализма и триумфом потребления. Знакомство с работами социолога А. Эренберга по этим вопросам («*Неопределенный индивид*»; «*Усталость быть собой*»¹⁴), заставило бы авторов не без пользы нюансировать свою точку зрения.

¹¹ Я думаю, в частности, о Ж.-П. Жаке в Бельгии и Ш. Мелмане во Франции: в чем бы ни сходились и ни расходились эти два важных представителя аналитического поля в области наркотиков, их приверженность продуктам субституции в течении многих лет мне кажется неоспоримой.

¹² См. книгу Zafropoulos M. *Le toxicomane n'existe pas*. — Paris: Anthropos, 1996.

¹³ Van Rillaer J. *La Gestion de soi*. — Liège: Mardaga, 1992. — P.18.

¹⁴ Ehrenberg A. *Individu incertain*. — Paris: Calmann-Lévy, 1995; *La fatigue d'être soi*. — Paris: Odile Jacob, 1998.

В порядке анекдота некоторые утверждения свидетельствуют об удивительном прочтении фрейдовской и лакановской мысли частью авторов. Так, мы узнаём, что Лакан, в противоположность Фрейду, будучи более консервативным, превозносит как желание, так и наслаждение с тем, чтобы превратиться в апостола удовольствия и эгоизма (Ван Риллаер). Лакан, апологет наслаждения? Вот уж что успокоит тех, кто делает из Лакана «символического крокодила», упрекая обычно лакановский психоанализ в потворстве Закону и законам, в заигрывании с консерваторами и в слишком охотном принятии стороны власти и ограничения... Мы также узнаём, что фрейдовское лечение, особенно если оно вдохновляется Лаканом, влечет за собой настоящую «экзальтацию Я», благоприятствуя эгоизму, наслаждению и жажде власти у субъектов; или же еще, что психоаналитики «декодируют все с чудесной простотой», ассоциируя вместо своих пациентов, чтобы позволить своей теории восторжествовать любой ценой; что «поверхностное слушание» (*écoute flottante*), практикуемое сегодня, является на деле «слушанием без усилия слушать» и т.д. (Ван Риллаер). Очевидно, что такое изложение несколько озадачивает. О каком психоанализе идет речь? О детской игре, «доступной всякому человеку, окончившему лицей и прочитавшему несколько книг по психоанализу» (Ван Риллаер)? Возможно. Но вместо узнавания лакановской мысли или выражения современной аналитической практики возникает лишь удивление. Удивляет и эпистемологическая слабость некоторых нападок. Известно, что аналитики утверждают, справедливо или нет, что психоанализ систематически преследовался тоталитарными властями. В этой связи один из авторов полагает, что обнаружил противоречие между утверждением, будто психоанализ всегда был запрещен тоталитарными режимами, и признанием его распространения в странах, известных своими военными диктатурами, таких как Аргентина и Бразилия. Но в чем же здесь противоречие? Травля какого-либо явления не обязательно мешает его распространению. Видимое противоречие, которое есть ничто иное, как парадокс, лишь подчеркивает процесс, хорошо известный специалистам по уголовному праву: то, что запрет высказан и даже применен, отнюдь не означает получения ожидаемых результатов. Применение легальной или политической меры не имеет ничего общего с ее эффективностью. Более того, бывает, что запрет, преследования, травля приводят к совершенно противоположному эффекту. Ничего сверхъестественного в этом нет. Но возможно, что этот парадокс — что закон оборачивается своей противоположностью или превращается в таковую субъектом, к которому обращен, — принципиально незаметен из когнитивно-поведенческой перспективы?

Фрейд-лжец: что важно, носитель или сообщение?

Другое, потенциально более интересное обличение затрагивает научный характер фрейдовского предприятия. Фрейду не хватает строгости, и он прибегает ко лжи, чтобы некоторые его гипотезы срабатывали; он опирается на предшествующую традицию, не упоминая об этом, и ничего, по сути, не изобретает; сложность его языка походит на что-то вроде дымовой завесы, нужной, чтобы скрыть концептуальные слабости... Обличение не особенно новое, и подпитывает оно большую часть книги Ж. Ван Риллаера *«Психология ежедневной жизни»*. Я не могу судить о том, подтасовал ли Фрейд что-то там и сям, и в какой мере. Но даже если так оно и есть, Фрейд в этом отнюдь не уникален. Если он и допустил определенные натяжки, ставят ли они под вопрос *все*, что он сделал? Как было замечено по поводу книги А. Сокала и Ж. Брикмона *«Интеллектуальные уловки»*¹⁵, всегда ли уместно уподобляться тому преподавателю французского, который, «проверяя сочинение, сосредоточился бы прежде всего на орфографических ошибках. Его оценка была бы неоспорима, ошибки есть ошибки. Но она оставляла бы впечатление, что не затронула главного, того аргументативного содержания, которое, однако, и является главным предметом этого типа экзамена»¹⁶. Что же до сложности языка, я не уверен, что можно упрекнуть в этом Фрейда, разве что считать насыщенность мысли проблемой самой по себе: не просто избежать некоторого уровня сложности, когда пытаешься построить теорию весьма сложных реалий. Наконец, Фрейд, говорят нам, позаимствовал, не всегда на это указывая, у других; он обязан Флиссу, без которого ничего не было бы возможным (Ф. Саллоуэй), обязан почти всей истории мысли, начиная с античности... Ну и что?! Какой научный дискурс — если предположить, что Фрейд претендовал на занятия «научной деятельностью» в том смысле, который в это вкладывают авторы, — может обойтись без генеалогии? Когда мысль строится, это редко происходит в пустоте; мысль питается заимствованиями и сама питает других. Где проблема? Сила Фрейда, как и других великих мыслителей, в том, что он сумел придать форму, обоснованность и последовательность целому корпусу идей, единственным «изобретателем» которых он, разумеется, не является. Этот факт, признавал он его или нет, отсылает к человеческому уделу и ни в чем не умаляет саму мысль и ее интерес.

¹⁵ Sokal A., Bricmont J. *Impostures intellectuelles*. — Paris: Odile Jacob, 1997. Рус. пер. А. Костиковой и Д. Кралечкина, предисловие С. П. Капицы. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.

¹⁶ Genard J.-L. *À propos des impostures intellectuelles* // *Cahiers marxistes*. — 1999. — Vol. 212. — P. 43.

Во многих отношениях суду подвергается больше человек и его недостатки, нежели сама его мысль. Похожий суд историки несколько лет назад учинили над Фуко: его также обвинили в том, что он свободно обошелся со строгостью исторической дисциплины, «искажил» правду, чтобы подкрепить свои интуиции, использовал эзотерический язык (необходимость чего он, впрочем, отстаивал) ... И все же следует ли из этого, что нужно покончить с Фуко? Что важнее — сообщение или его носитель? Оставил ли нам Фрейд, равно как и Фуко, в конце концов, богатые и полезные инструменты для того, чтобы мыслить человеческое и социальное? По этому поводу сравнение с когнитивно-поведенческим инструментарием, представленным Ж. Ван Риллаером в его произведениях с опорой на кучу научных исследований, мне кажется не подлежащим обсуждению: фрейдовский «ящик с инструментами» имеет несравнимо большую эвристическую ценность, нежели ориентиры «научной» психологии, чьи аргументы регулярно сбиваются на поразительные трюизмы (в случае депрессии, оказывается, лучше иметь семью, поддерживать социальные отношения, предаваться приятным занятиям, словом, всем, чем занимаются «нормальные» люди¹⁷; для улучшения семейных отношений, лучше иметь «позитивные эмоции» по отношению к партнеру (Ж.-М. Буавер, М. Бодри); на морализм хорошего тона (лучше жениться, брак является в целом позитивным в терминах «затрат/прибыли» в ментальном плане); или же на каталог стратегий или адаптационных «трюков», чья нормативность никогда не ставится под вопрос. Здесь трудно не съехать на карикатуру, настолько техники, предложенные когнитивным изучением поведения, к тому располагают. Но несмотря ни на что, можно только удивляться, среди прочего, забавным стратегиям, предложенным в «Управлении собой» для обеспечения самоконтроля при избыточном питании: «старайтесь не иметь дома запасов еды или размещайте их в местах непосредственно недоступных (чердак, подвал)», «используйте пищевые продукты, требующие длительного приготовления» — или же самоконтроля поведения гиперактивных детей (определяемых, без всяких оговорок, как дети, «для своего возраста проявляющиеся как аномально возбужденные, рассеянные, невнимательные, импульсивные»)¹⁸.

Мне как неспециалисту несколько сложно поверить в результативность данного типа адаптационных стратегий применительно к патологиям более тяжелым (психозы, депрессии, тревога, серьезные зависимости...), о которых известно, что они учащаются сегодня на фоне все большего ослабления социальных связей. Компенсируется ли в таком случае относительная слабость адаптационных протоколов за счет массового обращения к лекарствам? Возможно, именно об этом говорит текст А. Пелиссоло, психиатра и заведующего отделением клинических

¹⁷ Van Rillaer J. La Gestion de soi. — P. 79–82.

¹⁸ Ibid. P. 54–56, 84–85, 158–159.

исследований поведения и познавательных способностей и исследователем в CNRS, участвующего в изучении психотропов. В противоположность другим статьям, усматривающим в поведенческих и когнитивных терапиях «третий путь» между психоанализом и медикаментозным лечением, этот автор ясно отстаивает обращение к лекарственным препаратам в том случае, если их преимущество установлено «объективно» и «научно». В этом случае врач не должен колебаться, так как, согласно автору, если «можно понять сомнения пациента, принимать ли ему новое лекарство (психотропный препарат, а также антибиотики или кортикоиды, как это часто происходит), сомнения, объяснимые страхом или незнанием, то подобное отношение не подобает профессионалу».

Психоанализ не научен. И слава богу?

В вышеприведенном примере проблематично не столько обращение к лекарственным препаратам, сколько обоснование через дискурс эксперта. Не всякое медикаментозное лечение — синоним «химической смирительной рубашки», и бывают случаи, когда обращение к *pharmakon* вполне оправданно. Но можно ли обосновывать навязывание предписания сопротивляющемуся субъекту тем, что это делается для его блага и во имя «объективной» медицинской научной истины? Возвращаясь к стандартам сциентистского позитивизма — пациент здесь считался несведущим или «беспокойным», если не признавал очевидности правоты эксперта, — это положение выражает одновременно устаревшую концепцию науки как залога высшей истины и отказ принять тот факт, что субъект может и имеет право не согласиться, а то и — страшно молвить — выбрать иную, не научную, рациональность, чтобы найти свой ответ на психическое страдание или расстройство. Для исследователя в области социальных наук подход А. Пелиссоло может показаться карикатурным, настолько этот спор об «объективирующем» характере дискурса эксперта был оспорен и трансформирован в других областях. Именно это — невольно — демонстрирует интересная статья Ф. Пиняра, озаглавленная «Лечат ли лекарственные препараты от депрессии или производят ее?». Этот текст, посвященный преимущественно депрессии, указывает на подводные рифы сциентистского тезиса, доминирующего в сборнике и становящегося на сторону герменевтического прочтения психического феномена, который, согласно автору, отсылает скорее к «опыту», строящемуся во времени, нежели к «объективному расстройству». И Ф. Пиняр обличает всю конструкцию научного дискурса вокруг антидепрессантов, «вооружающего» взгляд врача до такой степени, что «позволяет врачам более не интересоваться содержанием дискурса пациентов, а только тем, проявлением чего этот дискурс является».

Аргумент небезынтересен и может быть без особых трудностей применен к специалистам по когнитивному поведению: они также легитимируют свои практики во имя «эффективности», которая, в отличие от психоанализа, является-де «научно обоснованной», а ведь наука, «несмотря на свои недостатки и возможные неправильные применения [...], по-настоящему универсальна перед лицом религий, всегда так или иначе провинциальных» (Коттро). В своем интервью в «*Nouvel Observateur*», как и в различных своих работах, Ван Риллаэр также выказывает свое доверие к методологической строгости и нейтральности «научной психологии», в которой он видит гарант терапевтической результативности. И наоборот, он относит психоанализ к «псевдонаукам», а то и к философии, дисциплине, к которой автор по-видимому не питает особого уважения, раз философов порой квалифицируют как *плутософов*. Об эффективности можно было бы вести бесконечные дискуссии, приводя бесчисленные примеры и контр-примеры «успеха» и «провала». Но что значит быть «эффективным» в области психического здоровья? Устранить симптом? Помочь лучше жить с ним? Кто определяет и фиксирует порог эффективности? Наука? Терапевт? Субъект? Идентичны ли они у всех индивидов? Можно ли их установить раз и навсегда? Ничего об этом не известно, кроме того, что результативность гарантируется научностью образа действий: в отличие от психоанализа (беседы на темы «пси», где один говорит, а другой слушает, далеки от «объективных» ситуаций, что верно), «научная» психология опирается якобы на нейтральные и строгие протоколы, фальсифицируемые гипотезы или истины, которые не колеблясь выбросят на свалку, как только они будут фальсифицированы опытом (Ван Риллаэр).

Введенный К. Поппером критерий «фальсифицируемости» как залог научности широко используется в точных науках и намного менее очевиден в науках социальных. «Научная» психология претендует, таким образом, на то, чтобы быть попперовской. Но релевантно ли это наследие в области психического здоровья? Каково здесь научное предложение, экспликативное или нормативное, которое никогда не было бы сфальсифицировано частным случаем? Не провалит ли кардинально единичность человеческого любую попытку формулирования «научного» правила с относящимся к нему общим и предсказательным предназначением? Всегда найдется человек, который сделает по-другому. Человек, и в этом проблема, мешающая помещению его в научную коробку, находится всегда *рядом* с правилом. Проблема не всегда ускользает от Ван Риллаэра, решающего ее однако любопытным способом: в главе «*Управления собой*», посвященной «оценке программ самоуправления», автор упоминает возможный провал терапевтических когнитивно-поведенческих научно обоснованных тезисов, а именно проблему «рецидива» в вопросе избыточного питания, курения, алкоголизма и других токсикоманий типа героиномании. Неудача показывает, что пациент недостаточно усердно следует предложенному протоколу, что он под-

вержен «негативным эмоциям», что налицо «отсутствие [...] или недостаточность действий по решению проблем перед лицом стрессовых ситуаций», «недостаточное развитие некоторых социальных навыков», «недостаток приятных занятий и поступков, „несовместимых“ [sic] с проблемным поведением». Короче говоря, если это не работает, то дело не в неправильности науки или ее протокола — ошибается субъект¹⁹. С одной стороны, возникает недоумение: любой человек, хоть чуть знакомый с лечением наркоманов, не может не задаться вопросами перед такими объяснениями рецидива; с другой стороны, рассуждение не столь удивительно: оно хорошо сочетается с *нисходящей* логикой современного менеджмента, вносящего свою лепту в область девиаций, а именно в нарастающее переворачивание диалектики ответственности, которое возлагает весь груз на субъектов с уязвимым статусом²⁰.

Когнитивный бихевиоризм и наука: весьма странный позитивизм

Вопрос или сущность разногласий в этом плане заключается, бесспорно, в том, осмысленно ли желание «делать науку» по поводу человеческих материй и, если да, то как. Известно, что Фрейд, увлеченный духом своего времени, питал позитивистскую иллюзию, пока не решил, что установленная научная связь между психической жизнью и нервной системой обеспечила бы в лучшем случае лишь точную локализацию процессов сознания и ничем не поспособствовала бы их пониманию. В этом отношении научный позитивизм, служащий фоном «*Черной книги*», не принял во внимание это фрейдовское обновление. Он изрядно отдаст концом XIX века. Сколько бы современное науковедение ни выявляло в течение многих лет социальный характер построения науки, ни описывало действия участников, игру интересов и ценностей за научным образом действий (по лабораторию включительно), ничего не помогает²¹: с разными ораторскими и стилистическими вариациями «научная» психология упрямо верит в возможность аксиологически нейтральной науки, изначально освобожденной от любых социальных отношений или любых субъективных интересов, от отношений власти или логик доминирования. Наука способна описывать не интерпретируя (Буавер, Бодри), способна наблюдать и сформулировать «как все есть на самом деле», «объективировать» факты, чтобы провозгласить настоящую «истину», пусть хотя бы и временную. Ускользая от ловушек герменевтики, — чтобы, не дай бог, не выйти

¹⁹ Ibid. P. 325–328.

²⁰ Cf. Brandon, Cartuyvels Y. (dir.). *Judiciaire et Thérapeutique, Quelles articulations?* — Bruxelles: Loi et Société, 2004.

²¹ См., например, *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос*. — 2002. — № 5–6 / 35, а также *Callon M., Lascoumes P., Barthe Y.* *Agir dans un monde incertain. Essai sur la démocratie technique*. — Paris: Seuil, 2001.

за рамки «научной психологии» и не угодить в ад «философской (или менталистской) психологии», — «научная» психология вновь погружает нас в мечту о «чистой» науке, отделенной от случайностей социального, выдвигающей свои гипотезы, процедуры и доказательства в мире лаборатории, рассматриваемой как замкнутый мир. Картографируя реальность человеческой души, точно как медицина делает это с человеческим телом, она возвращается к практикам той «клиники взгляда», разрыв с которой Фуко ставил в заслугу Фрейдю. И наоборот, она дисквалифицирует герменевтический подход, заноса его в раздел повествования, иррационального или даже религии (Коттро). Меня, юриста, социолога и криминолога, такой крайний сциентизм приводит в изрядное замешательство.

Юристу предложенная здесь неопозитивистская позиция представляется вполне сюрреалистичной. Дискуссия о научном статусе права присутствует на юридической сцене, где некоторые, действительно, поддерживают автономию «специфически юридической сферы, отличной от других нормативных сфер, с тройной точки зрения: органической, формальной и процедурной». Эти некоторые, кстати, относят тех, кто смешивает описание и интерпретацию, понимание и объяснение, к «священнослужителям»²². Но в целом уже очень давно критическая теория права признала «герменевтический поворот» (Гадамер), навсегда распрощавшись с «чистой правовой наукой» и предав забвению фантазм о дисциплине как автономном, нейтральном и строгом наборе правил, управляемых одной объективной властью научного Разума. С одной стороны, политическая опасность данного типа веры была в достаточной мере доказана историей. При режиме Виши во Франции юридический позитивизм широко позволял ратифицировать правом недопустимые акты во имя нейтральности и техничности «юридической науки»²³. С другой стороны, современный юрист может с трудом игнорировать, что истина «научно построенного» правила очень относительна и что ее рациональность регулярно реконструируется апостериори в момент его применения, а именно от случая к случаю. Это объясняет «научную» скромность сегодняшних юристов, заботящихся больше о «практическом разуме» или поиске «разумного»²⁴ в ходе аргументированной дискуссии, нежели об изначальном и якобы универсально действительном референте. Сегодня юристы ищут скорее «между правилом и его приостановкой», как метко сказал Ж. Деррида. Они отныне более озабочены нахождением правильной дистанции и осуществлением беспрестанно обновляемого арбитража между принципом общего правила и част-

²² См. *Lhuillier G.* Les juristes sont-ils des clercs? Sur la dimension anthropologique du droit // *Esprit*. — 2002. — Vol. 11.

²³ *Lochak D.* La doctrine sous Vichy ou les mésaventures du positivisme // *Id.* (dir.). *Les Usages sociaux du droit*. — Paris: PUF, 1989.

²⁴ *Corten O.* Positivism et science du droit: la place et le rôle du raisonnable // *Cahiers marxistes*. — 1999. — P. 212.

ностями отдельного случая, нежели навязываемой вслепую абстрактной нормативностью, будь она даже научно выработана.

Что же касается исследователя в области социальных наук, то он знает, что всякий научный образ действий опирается на эпистемологические посылки, построение объекта и интерпретационных рамок, неизбежно искажающих аксиологическую нейтральность образа действий, так как они определяют ориентацию результатов. Как это прекрасно объясняет Ж. Де Мёнк,

претензии экспертов на производство объективного, деполитизированного и нейтрального в моральном отношении знания, все чаще подвергаются сомнению в силу самой эволюции современных обществ. Даже в области так называемых естественных наук, легче поддающихся иллюзиям сциентизма и позитивизма, более невозможно претендовать на чистую объективность фактов, которая бы осталась непоколебимой в условиях конфликта ценностей. Способы построения фактов сами по себе маркированы имплицитными нормативными ориентациями, открывающими пространство для дискуссии и неопределенности внутри экспертизы²⁵.

Если это осознание не может не поставить новых проблем (как помыслить «нерелятивистский релятивизм»?), оно более не позволяет ту догматическую или мистическую веру в мифологическую власть науки, которая, по ускользящим от меня причинам продолжает существовать, кажется, только в мире медицины, психиатрии и «научной» психологии.

Наконец, криминология — это «королевство без короля»: отсутствие ее серьезной дисциплинарной ускоренности — криминология определяется скорее как «исследовательское поле», ограниченное своим объектом (девиантность и вызываемая ею общественная реакция), чем как дисциплина²⁶, — мешает ей слишком верить в истину науки. Сталкиваясь по определению со множеством дисциплинарных подходов, криминология вольно или невольно практикует междисциплинарную позицию, решительно мешающую ей принимать научный дискурс слишком всерьез: конфронтация разных «дискурсов истины» (Фуко) приводит на самом деле к радикальному «нарушению целостности» любого знания, с необходимостью воспринимающегося как выражение точки зрения, с которой может спорить другая точка зрения, столь же рациональная и имеющая право на существование. В отличие от многодисциплинарности или трансдисциплинарности²⁷, междисциплинарность осуществляет необходимую релятивизацию дискурса эксперта (кото-

²⁵ De Munck J., Genard J. L. et al. Santé mentale et Citoyenneté. Les mutations d'un champs de l'action politique. — Gand: Academia Press, 2003. — P. 154.

²⁶ Pires A.-P. La criminologie d'hier et d'aujourd'hui // Id. et al. Histoire des savoirs sur le crime et la peine, t. 1: Des savoirs diffus à la notion de criminel-né. — Bruxelles: De Boeck, 1995.

²⁷ Об этих концептах см.: Ost F. Verbo. 'Science du droit' // Dictionnaire encyclopédique de théorie et de sociologie du droit. — Paris: LGDJ, 1993. — P. 543.

рый в большинстве случаев является дискурсом монодисциплинарным) и обязывает к большей скромности при использовании термина «научный». Например, в междисциплинарной перспективе очень сложно понять, что одно течение может захватить слово «научный», как это делает «научная» психология. Феномен, кстати, насколько я знаю, совершенно изолированный в социальных науках: правовед скорее всего назовет себя юснатуралистом, позитивистом или реалистом, если нужно сослаться на какое-либо течение; в социологии будут говорить о функционалистской или интеракционистской социологии для определения своих теоретических ориентаций... Но ни одно течение в этих дисциплинах не осеняет себя термином «научный», как если бы тем самым выражалась сущность или субстанция затрагиваемой области.

«Сокал и Брикмон: remake»?

Вопросы по поводу одной «интеллектуальной уловки»

Несколько лет назад два ученых, принадлежащих к полю «точных» наук, А. Сокал и Ж. Брикмон опубликовали книгу, озаглавленную «*Интеллектуальные уловки*»²⁸. Разоблачая необдуманное употребление концептов, взятых из наук о природе разными «великими именами» из гуманитарных наук (Бодрийяр, Деррида, Делёз, Лакан, Вирильо и пр.), авторы критиковали интеллектуальное самозванство этих псевдоученых, а заодно и все науки о человеке скопом: в отличие от естественных наук, социальные науки были представлены как несоответствующие требованиям научной объективности, а именно нейтральное восприятие фактов, опору на неоспоримые, измеряемые и проверяемые данные. Для Сокала и Брикмона гуманитарные науки характеризуются слишком размытыми теориями для того, чтобы оспаривать их эмпирически, очень слабым уровнем предсказательности, сомнительной эмпирической базой и частым использованием интуиции или литературы, короче, совокупностью недостатков, расцениваемых достаточными для дисквалификации «научности» гуманитарных наук. В лучшем случае последние считали себя призванными импортировать в свой подход эпистемологию точных наук в несколько отчаянной попытке приблизиться к минимальным стандартам «истинной» науки.

Проясняющая критика этого произведения, сделанная бельгийским социологом Ж.-Л. Женаром²⁹, позволяет увидеть параллель между памфлетом Сокала и Брикмона и «*Черной книгой*», а также выявляет общие им эпистемологические тупики. Обвинители Сокал и Брикмон действуют идентично авторам «*Черной книги*». Прибегая к провокационному методу и позиционируя себя значительным образом в области научно-популярного просветительства, они обрушиваются на бесчест-

²⁸ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки.

²⁹ Genard J.-L. À propos des impostures intellectuelles. Op. cit.

ность критикуемых авторов. Заключенные в свою логику обличения, они забывают суть, производя книгу, которая «ни в чем не опровергает философские или социологические позиции критикуемых авторов». Критик удивляется контрасту между «невероятным медиатическим эффектом „Интеллектуальных уловок“ и полным отсутствием глубокой дискуссии»³⁰. В сущности Сокал и Брикмон «полагают, что разум можно использовать только единственным, научным, образом (понятым в духе естественных наук)», через призму догматической отсылки к «объективности или технической результативности», что приводит их к отождествлению «других использований разума с догматизмом, иррационализмом, ослеплением или злоупотреблением языком»³¹. Прослеживается практически полный параллелизм со стратегией авторов «Черной книги» и эпистемологической позицией «научной» психологии. Та же технология дисквалификации и та же догматическая вера в объективистский научный образ мысли на основе того убеждения, что «работу разума невозможно установить нигде, кроме как в научной объективности, модель которой предлагают нам естественные науки»³².

За «войной психотерапевтов» стоит фундаментально политический вопрос

Существует тенденция делать из наступления КПТ эпизод «войны психотерапевтов». Это, конечно, отчасти верно, но в целом такое прочтение слишком узко. Мы, конечно, сталкиваемся с двумя разными взглядами на человека. С одной стороны, субъект, заключенный в языке, отсылаемый к своей свободе и своей истине, приглашаемый к вопрошанию о смысле своей истории и о его доли ответственности за то, что с ним происходит. Субъект, отмеченный отсутствием и желанием, а также той ускользящей от контроля частью, которая делает его неподдающимся полному воспитанию, контролю, нормализации. С другой, видение индивида как «социального млекопитающего», балансирующего между *self-management* и *self-control* (эти термины постоянно повторяются в «Управлении собой»), озабоченного обретением внутреннего комфорта, результативности и действенности, пусть даже за счет удержания себя в иллюзии, если дело того стоит. Рациональный деятель, способный на расчет затрат и прибыли, способный заполнить нехватку, индивид, обучаемый счастьем согласно процедурам, чьи нормативные предпосылки не ставятся под вопрос. Там, где психоанализ предлагает видение человека, сопротивляющегося авторитарной планификации, — мы знаем, что (и понимаем, почему) тоталитарные политические проекты никогда его не любили, — КПТ предлагают видение

³⁰ Ibid. P.40–43.

³¹ Ibid. P.42.

³² Ibid.

намного более функциональное и нормативное. Беспорядочному существованию, отстаиваемому первым видением, отвечает проект упорядоченности и адаптации другого. Расхождение зависит еще и от того, что психоанализ, укорененный в диспозитиве гуманитарных наук, предлагает специфическое мышление человека и социального, тогда как КПТ предлагают «стратегии» и «адаптации», не ставя под вопрос утилитарную и инструментальную рациональность, лежащую в их основе.

И представление о науке, и концепция человека в двух случаях явно различны. Понятно, что по ту сторону стилевых различий, расхождение между двумя репрезентациями должно иметь глубоко политический резонанс. На политику авторы «Черной книги психоанализа» ссылаются постоянно. Они считают необходимым отличить себя от американских правых и даже от крайне правых. Не потому ли, что чувствуют связь между своим дискурсом и некоторыми ценностями, классически ассоциируемыми с правыми? Связь имеется, во всяком случае, с эволюцией современного капитализма, чему я предлагаю здесь две иллюстрации:

1. Если и существует сегодня «левая» ценность, так это *вопрос смысла*, а именно скрытого смысла человеческих и социальных феноменов. Отстаиваемый социологией, также интересующейся расшифровкой значения (скрытого) и функциями (латентными или подавленными) социальных фактов, вопрос о смысле прорабатывается психоанализом и игнорируется специалистами по когнитивному поведению, предпочитающими ему стратегический идеал результативности и действенности. В этом дискурс КПТ прекрасно согласуется с проектом, карикатурно воплощаемым американскими неоллибералами, упраздняющими вопрос о смысле и легитимности действия во имя кратко- или среднесрочной «стратегической результативности». Способ решения командой Буша иракского кризиса, изображенный в момент решения о вмешательстве как «техническая проблема», эмблематичен в этом отношении: инструментализация Добра полностью устраняет проблему Справедливости (ставящую в свою очередь вопросы о смысле и легитимности). Эта утрата интереса к смыслу вполне согласуется с эволюцией наших телемедиатических обществ, все более располагающих к бездумности. Вспомним недавние откровения директора TF1³³, и не скрывающего, что ставит задачей не заставлять размышлять, но воспитывать, адаптировать и приспособлять людей к нормам потребления. Нападки касаются также и других секторов общественной жизни, таких как университет и социологические исследования, также сталкивающихся с техницистскими атаками, пытающимися делегитимировать аналитическое и критическое знание под предлогом их непроизводительности. Эти приме-

³³ Имеются в виду заявления в 2004 г. президента важного французского частного телеканала Патрика Ле Лэ о том, что он продает кока-коле «свободное время мозга» телезрителей. — *Прим. перев.*

ры выбраны не наугад: за ними стоит дисквалификация смысла и культуры. Другими словами, важные политические разногласия разделяют психоаналитиков и практиков КПТ вокруг вопроса о (дис)квалификации мышления как ценности, о примате культуры как основания социальной связи, о поощрении или же подавлении критического и «рефлексирующего субъекта», в котором социолог Э. Гидденс видит характеристику «второго модерна».

2. Современный неолиберальный капитализм навязывает отныне фигуры менеджмента всему ансамблю социальных отношений³⁴, включая априори некоммерческие секторы образования, юстиции или здравоохранения. Инструментальная рациональность и эффективная диспозитивность, управление и самоконтроль, гибкость и способность к адаптации, скорость и заметность краткосрочных результатов, автоматизированная и стандартизированная экспертиза (нежели при помощи участия и диалога), ослепление измерением и сакрализация цифр (последнего оплота объективности), предсказуемость и планификация составляют отныне часть обыденного языка и инструментов общественной жизни. Усиление этой логики, чья сила держится также в ее способности перерабатывать вклад художественного мышления, особенно затрагивает сферу работы с девиациями: она смыкается в ней с «реалистическим» направлением, имеющим тенденцию в последние годы снова натурализовывать преступность, видеть в человеке с девиантным поведением рационального деятеля, инстанцию расчета затрат и прибыли, «выбирающую жизнь между удовольствием и преступлением», и предлагать стратегии из триады «предсказывать, предупреждать, пресекать»³⁵. Менеджерский дискурс полем девиантности не ограничивается³⁶. Это, без сомнения, объясняет мою повышенную чувствительность к языку и предпосылкам когнитивистов, во многом совпадающим (невольно, разумеется) с менеджерским проектом. Со своей слепой верой в таблицы и технические процедуры научного дискурса, со своим идеалом краткосрочной результативности, с заботой о соответствии нормам, со своей мечтой о предсказательности по отношению к индивидам, сведенным к их цифровой функции, «научная» психология рисует рамки, прекрасно подходящие к ортопедическим стандартам современного менеджмента. Этому последнему как раз скорее сопротивляется психоанализ. Его логика несводимости одного случая к другому, его концепция субъекта бессознательного достаточно радикально противопоставляется управленческому бюрократизму и его мечтам о техническом форматировании. Об этом ярко свидетельству-

³⁴ См.: Boltanski L., Chiapello E. *Le Nouvel Esprit du capitalisme*. — Paris: Gallimard, 1999.

³⁵ Cusson M. *La Délinquance. Une vie choisie*. — Montréal: Les Cahiers du Québec, 2005.

³⁶ См.: M. Nachi, Th. Périlleux (dir.), *Recherches sociologiques 1* (2002), no. spéc. «Du contrôle à la responsabilisation. Approches de l'entreprise et du système pénal».

ют последние дискуссии, как во Франции, так и в Бельгии, о вопросе экспертизы психического здоровья. Кроме этого, психоанализ является, начиная с Фрейда, носителем фундаментально политического образа действий, поскольку внимателен к изменениям социальной связи и их воздействию на *неудовлетворенность в культуре*. Пытаясь, особенно в последние годы, задаться вопросом о связях между социальными патологиями и индивидуальными страданиями, психоанализ ставит вопрос об отношениях между клиникой и политикой. На этой политической сцене представители КПТ мне кажутся куда менее активными.

Заключение

Если нападки на психоанализ привели меня к этим размышлениям, то произошло это в силу тройкой озабоченности.

Прежде всего это убеждение, что специфичность человеческого заключается в том, чтобы быть *существом смысловым и языковым*, и что психическое страдание имеет отношение к этому измерению. Как подчеркивает П. Рикер, боль не есть страдание, и если первая может удовлетвориться техническим и медицинским подходом, то вторая отсылает к «аффектам, открытым рефлексивности, языку, отношениям с собой, с другим, со смыслом»³⁷. Скорее страдание, нежели «объективное расстройство», должно иметь возможность продолжаться читаться как опыт в разрезе диахронической концепции говорящего индивида. В этом отношении психоанализ с присущей ему культурной семантикой неоспоримо играет свою роль в обществе, даже если он обязан шагать в ногу со своим временем. Я имею в виду, что если он хочет выжить, психоанализу, без сомнения, нельзя замыкаться в героико-догматической историографии отцов-основателей, но он, напротив, должен, не колеблясь, открываться другим знаниям, способным его встряхнуть или даже сотрясти и тем самым заставить продвинуться вперед в меняющемся мире.

Затем: важно поддерживать *плюрализм знаний и практик в области психического здоровья*. Однако нападки сторонников КПТ слишком очевидно направлены на дисквалификацию, устранение соперника. Номер «*Nouvel Observateur*», посвященный «*Черной книге*», озаглавлен показательно: «Нужно ли покончить с психоанализом?». Нападки предпринимаются в контексте, затрагивающем не только службы психического здоровья (где это чревато крупным проигрышем в клинической работе), но и все сектора общественной жизни, подвергающиеся униформизации и квантификации, стандардизации и автоматизации, питающие иллюзии нейтральности и объективности. Недавно исследователи подвергли критическому прочтению последний американский «*Справочник по диагностике и статистике психических расстройств*» (DSM), павший жертвой, по их мнению, той же иллюзии, что и «иллюзия эспе-

³⁷ Ricoeur P. La souffrance n'est pas la douleur // Autrement. –1994. –142.

ранто: создать такой искусственный язык, который бы посредством исключительно инструментального языка описания реальности, избавился бы, наконец, от культурных случайностей и исторических наслоений отдельных языков. Нелепая реактивация этой иллюзии рискует сегодня повлечь за собой распад клинической культуры всего европейского поля психического здоровья»³⁸. Нужно неустанно бороться против такого инструментального редукционизма. Дискуссия о психоанализе и его месте есть лишь верхушка айсберга: на самом деле, в поле социальных отношений в целом явственно проступает именно гегемония научного языка, претендующего на устранение иных индивидуальных, культурных, политических референтов, способных предложить пространство признания миру переживаний отдельного субъекта. За научным дискурсом вырисовывается империя социальных технологий. Научный позитивизм, по этому поводу не стоит заблуждаться, — это политика. И это касается отнюдь не только сферы психического здоровья.

Наконец, убеждение, что более невозможно прятаться за наукой и ее идеалом объективированного наблюдения и лечения, чтобы *игнорировать политическое и социальное измерение клиники*. Сегодня более невозможно (если предположить, что это хоть как-то было возможно) отделить сцену психического страдания от социальной связи, столь масштабны затрагивающие их трансформации. Часто, особенно в случаях тяжелых патологий, психическое страдание и общественная деградация слишком тесно переплетены, чтобы можно было абстрагироваться от социальной связи, в том числе от эволюции тематики нормы и отклонения, а также социального расслоения, неравенства и исключения. В этом отношении вопрос о *смысле страдания* — центральный и представляется мне неустранимым в клиническом образе действия: поскольку он отсылает к вопросу об истине, которая может быть катализатором лечения и перемены для субъекта; но и потому что клиника в силу своей специфической работы со страдающими субъектами играет роль выявителя и выразителя проблем, о которых она предупреждает «остальной», внеклинический мир и поэтому может и должна способствовать рефлексивной и критической работе над социальными условиями производства насилия и его последствиями.

Перевод Татьяны Зарубиной

³⁸ De Munck J., Genard J. et al. Santé mentale et Citoyenneté... — P.154.